

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИСЛАВ МИРОНОВ

БАРОН
ПО ПРИЗВАНИЮ.
ПУТЬ ДВОРЯНИНА

РОМАН

Москва, 2022
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М64

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1339

Художник
О. Бабкин

Миронов В. И.

М64 Барон по призванию. Путь дворянина: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2022. — 282 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-3502-9

Антаэль — мир людей, которым покровительствует святая Мидра и которых хочет сожрать червь Фердербен. Это мир, где магия представлена в виде предметов, случайным образом ставших волшебными артефактами. Один из таких артефактов — шкатулка, дублирующая что угодно. По воле судьбы Ренфилд Быстроногий ворует диковину, что вызывает гнев истинного ее владельца — принца Тэдэрика.

Весь остров охвачен войной, которая длится почти шестнадцать лет. Барон Рейнер Северин, опытный воин в годах, отозван в столицу королевства Кронфест. Он прибывает на аудиенцию с принцем, но тут же становится жертвой дворцовых интриг и вынужден бежать. В самом начале нелегкого пути барону встречается вор Ренфилд Быстроногий, тоже оказавшийся в немилости у принца. Вдвоем они — неустрашимый боец и трусоватый парнишка — бегут прочь. Напарникам предстоит добраться до безопасного места, но по пятам за ними движется кое-что похуже, чем королевские агенты.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Миронов В. И., 2022
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2022

ISBN 978-5-9922-3502-9

*С благодарностью моим родителям, Игорю и Виктории,
и жене Ниночке как свидетельство того, что я достиг
своей мечты.*

*Из рукописи «Современная религия, или История
происхождения Матерь-Древа», 243 г. эры Льва*

Очень часто, кроме гансовского ветвизма, разумеется, единственно правильного и принятого в крупнейшем из пяти королевств острова Гроссгриндия, встречаются и другие ответвления. Такие, как джисфридский ветвизм или фоерский ветвизм, а также много других, менее известных, главенствующих в отдельных регионах. Однако у всех у них общий тезис: мир наш, Антаэль, появился из семени из тьмы небес, со временем превратившись в прекрасное Матерь-Древо, богиню Мидру святую. Мидра породила из корней своих землю да камни, ставшие опорой для всего живого, листву да цветы, явившие моря и реки из росы своей, и тварей из бутонов своих, как и человека. Либо, по проповеди святого Джисфрида, Антаэль вырос из желудя, что в Саду божеств, а получившееся дерево присыпали землей и залили водой Садовые божества.

Любой разумеющий человек понимает: гансовский ветвизм гораздо ближе к истине, потому как никто никогда не видел опоры — травы или мраморных плит — на коей лежит Матерь-Древо по замыслу джисфридского ветвизма. Но это далеко не единственная причина, по которой джисы считаются еретиками. Возникает вопрос, почему так называемые Садовые боги не заботятся далее о Древе, кое сами взрастили, и об обитателях его? Разве вы сажаете своих овец в загон к гончим хаундам? А теперь обратите взор на бесконечные войны и катаклизмы. Только за двести тридцать первый год вулкан Тофий просыпался дважды, постоянные наводнения на востоке Гроссгриндии способствовали перебоям поставки рыбы, горел лес Биркенталь, и не перечать всех бед. Разве боги не заметили бы людское горе и не пришли бы на помощь?

В подобных вопросах и зарождается недоверие к учению джисфридского ветвизма, равно как и фоерского. Зачастую жрецы последнего кричат, что конец света уже начался, а угли из костра Садовых божеств падают в листву Матерь-Древа.

Осмелюсь упомянуть, что всеми нами любимый король Бруно Манаэль начал «Стальное движение» на север Гроссгриндии, вдохновленный идеей одиночества человека в мире, вытекающей как раз из учения гансовского ветвизма. По его разумению, не стоит полагаться на несуществующих богов и пора брать ситуацию в свои руки. К несчастью, многие королевства поддерживают джисфридский или фоерский ветвизм. Например, Брэйтфельдерское королевство отказалось войти в «Общество вассалов Фестунга», в результате чего благородный и мудрый король Бруно был вынужден начать священный поход, названный «Стальным движением». Поход, стремящийся объединить всю Гроссгриндию под единым знаменем и сосредоточиться на преодолении внутренних бед и катаклизмов.

*Вендель Виг, историк и советник
короля Бруно Манаэля
из Фестунга*

ГЛАВА 1

Род Манаэлей пришел к власти в сто пятьдесят втором году эры Льва. Первым представителем сего рода был Эрнест Манаэль Первопроходец, который самопровозгласил себя правителем Кронфеста после свержения короля Валандиса Нерка VII. Из этого следует, что род Манаэлей — один из самых долговечных из всех, кому удалось удержаться на троне. У нынешнего правителя, Сиджи Манаэля из Кронфеста, есть только один сын и наследник — Тэдэрик Манаэль.

Карл Летонисец, 252 г. эры Льва

Утро выдалось холодным, и барон Рейнер Северин уже довольно давно не мог заставить себя вылезти из постели. Служанка трижды приходила и предлагала помочь своему господину одеться, но тот отправлял ее прочь, не находя сил подняться с перины. Бедная девушка, наверное, думала, что в чем-то провинилась, и именно из-за нее барон не соизволит просыпаться. Северин слышал, как она топчется за дверью и не решается войти в четвертый раз. Ему было немного стыдно перед ней. Многие дворяне подняли бы барона на смех за подобные мысли, ведь он — господин, и по его приказу все поместье должно просыпаться вечером, а ложиться ранним утром, а тут невиданное дело — барону жаль напрасных стараний служанки из-за его любви лежать по утрам в постели!

Не важно. Ему плевать, что бы они ни сказали. Придворная жизнь вообще утомляла Рейнера сама по себе. Бесконечные балы, церемонии и собрания не имели смысла, лишь ублажали животы и чресла знати. Не для этого он жил на свете. Барон из рода Северинов родился в семье воина, воином и вырос: прирожденным лидером, ведущим за собой людей, сокрушающим шеренги врагов одну за другой! Помнится, в своей последней битве он возглавлял Армию Топора под знаменами короля Сиджи Манаэля. То была настоящая битва, воистину жаркая и

славная! Однако после нее король решил, что мудрость барона больше понадобится в тылу, нежели на поле брани, и отправил Северина разрабатывать стратегию, а два месяца назад Рейнера так и вообще отправили домой, в поместье Кляйн-Хохмауэр. На этом военные похождения дворянина закончились, и за минувшие с последней битвы пять лет он заметно измельчал духом. Нет, старый вояка не прекращал ежедневные тренировки, поэтому навыков владения мечом не утратил, но разве может детская забава сравниться с пылом сражения? Как давно не билось сердце, не вскипала кровь, да так, чтобы по-настоящему, по-старому! Слишком давно...

Мысли Рейнера прервал очередной скрип двери. Барон ожидал увидеть на пороге все ту же служанку, но в спальню бодрым шагом вошла домоправительница Эльвира. Это была крепкая грудастая баба с круглым и красным от природы лицом. Голову прикрывал платок, завязанный на затылке, на груди красовался широкий белый фартук, а в больших грубых руках она держала охапку дров. Эльвира резво закинула ветки и поленья в камин, забросила лучину и ястребом глянула на своего господина. Северин, хоть и был уже человеком в возрасте, прошедшим немало битв и не раз смотревшим в глаза смерти, мгновенно захотел спрятаться под одеялом.

— Господин барон! — сказала домоправительница учтиво, но достаточно громко, чтобы услышала служанка в коридоре, и достаточно требовательно, чтобы услышал лорд. — Солнце давно освещает флюгеры Хохмауэра! Пора братья за работу!

Тепло камина постепенно наполнило комнату, и барон почувствовал, что теперь выбраться из кровати будет значительно легче. Он отбросил одеяло, сел и ответил:

— Правдивы твои слова, Эльвира! Хватит лежать!

Эльвира тут же подала господину льняную рубаху, темно-красный камзол, пояс, льняные штаны и высокие сапоги. Все вместе представляло собой ежедневный наряд барона: не слишком броский и вычурный, но зато удобный, не стесняющий движений.

Рейнер не любил, чтобы слуги помогали ему одеваться, так же как не любил этого его отец Адлер. «Когда стану достаточно старым, чтобы мочиться в штаны, тогда и будете на меня штаны натягивать!» — говорил Северин-старший, земля ему пухом. Теперь эту фразу произносил Рейнер. Все, что он знал, все, что умел и почти все, о чем думал, было кровным наследием его от-

ца. Адлер сам научил сына владеть мечом, ездить на лошади, читать, писать и разбираться в людях. Старший барон никогда не нанимал учителей или прославленных мастеров фехтования для маленького Рея, всегда сам занимался его воспитанием. Иногда даже слишком упорно.

Лорд Северин стянул с себя ночную рубашку, открывая утреннему солнцу шрамы от мечей и топоров, разбросанные по всему телу. Длинные и короткие, рваные и резные, глубокие рубцы и просто царапины. Все вместе складывалось в летопись огромного количества битв, оставленных за плечами.

Выйдя из спальни, барон спустился на первый этаж. Он всегда любил поместье Кляйн-Хохмауэр за уют и приветливость. Стены в столовой украшали яркие натюрморты, по углам стояли мраморные статуи мужчин и женщин с подносами или дичью в руках. Большой камин имитировал симметричный замок с двумя башнями-подсвечниками по краям, а в воротах его плясал огонь. В середине залы располагался стол с золотой каймой, скрывающейся под белоснежной скатертью. На серебряной посуде хозяина ждал сочный кусок свинины с овощами, а рядом — столовые приборы. Так требовал барон. Он не любил украшать стол яствами, к которым даже не притронется, тем более что завтракал в одиночестве. Ни жены, ни детей у него не было. То есть были когда-то, но очень давно.

В главной зале висел портрет счастливого семейства. У стоящего в левой половине полотна мужчины были острые скулы и вытянутый, мужественный подбородок, черные как смоль волосы, закрученные вверх усы и прямой нос. Рядом с главой семьи на стуле сидела красивая женщина с белым лицом и мягкими руками. Ее длинные светлые волосы дышали красотой и здоровьем, а большие голубые глаза и загадочная милая улыбка озаряли все вокруг спокойствием и нежностью. На переднем плане стоял мальчик лет семи с голубыми, как у матери, глазами и отцовскими чертами лица. Парнишка излучал уверенность и удаль.

Рейнеру Северину было шестнадцать, когда отец решил женить его и, договорившись со своим старым другом, отправил сына под венец с четырнадцатилетней Бертой Витэ из Апфельгарта. Жених и невеста, как говаривали слуги, впервые встретились чуть ли не на собственной свадьбе, но Рейнер об этом не жалел: как только он увидел красавицу БERTУ, голову вскружила любовь, а душа загорелась страстью. Берта тоже обрадовалась, что ей достался приятный и мужественный жених, и молодые

люди сразу поладили. Бароны Витэ и Северин радовались удачной во всех отношениях партии и так яростно стучали кубками в тот славный день, что, кажется, больше пролили, чем выпили. Все были довольны и счастливы: феодалы радовались, что стало на одного потенциального противника меньше, а крестьяне — временному снижению налогов.

Вскоре Берта забеременела и родила Рейнеру сына, которого назвали Эдгаром. Малыш появился на свет здоровым, Берта тоже была в порядке. Когда Эдгару исполнилось шесть, отец и дед начали учить наследника верховой езде и фехтованию. Маленький Северин делал большие успехи: животные любили мальчика и не противились ему, а меч лег в руку как влитой. Несмотря на то что Адлер приказал выковать для внука меч в пять с половиной локтей в лезвии, как для взрослого человека, будущий воин постепенно привык к оружию и научился держать равновесие, использовать его большой вес и инерцию в свою пользу. Одним словом, парнишка оказался способным.

О жене Северин тоже не забывал. Мало кому везло на счастье в браке по расчету, но в этой семье царила настоящая гармония. Рейнер и Берта были действительно хорошей парой. Когда Рей не занимался с сыном, они с женой гуляли по окрестностям Хохмауэра. Другие женщины не интересовали Северина. Все, от слуг до вельмож-соседей, говорили о браке Берты и Рейнера как о союзе, необходимом жестокому и лживому миру.

Однако в один день благополучию пришел конец. Рейнер занимался с Эдгаром, когда к нему пришел отец Адлер и показал свиток пергамента с королевской печатью. Объявлен общий сбор. Один из герцогов восстал против короля, так что правитель собирал армию для уничтожения мятежников. Рейнер вынужден был покинуть любимую жену и сына и отправиться в поход вместе со своим отцом и шестьюдесятью солдатами.

Рейнер не мог понять, почему обязательно общаться с помощью меча и топора, если у человека есть язык, а отец отвечал, что королю виднее, стоит ли решать тот или иной вопрос с помощью диалога или пора взяться за оружие. А потом посоветовал сыну не лезть в дела высших чинов. Ту мудрость молодой человек не принял — он предпочитал думать своей головой.

Наконец небольшое войско под знаменами Северинов отправилось на восток и через полдня пути встретило основные силы союзников, а уже на следующий, еще до полудня, столкнулось с мятежниками.

Первая битва — всегда самая страшная. Сначала все шло достаточно хорошо, как по учебнику: солдаты держали строй, менялись местами, когда кто-то из первых шеренг выдыхался, и поддерживали железную дисциплину, но внезапно ситуация перевернулась с ног на голову. Отряд Рея был атакован из засады группой лучников, прячущихся в лесу. В первые же мгновения несколько солдат упали за землю, строй прорвали, лошади рыцарей испугались и начали беспорядочно шарахаться, вставая на дыбы. Постепенно замешательство превратилось в панику, подстегиваемую все новыми и новыми волнами стрел. Ряды выходцев из Хохмауэра таяли, люди валялись в грязь под копыта коней один за другим, и сквозь затуманивающий глаза страх Рейнер вдруг увидел, как его отец безжизненно повис в седле, получив стрелу в глаз.

Подкрепление пришло очень скоро: люди другого барона обошли лучников с фланга и прижали врагов прямо среди деревьев, но Хохмауэр все равно понес потери. Когда бой закончился, от войска Рейнера осталось немногим больше трети. Мятельников разбили наголову, а восставшего герцога ждала плаха.

Внезапно из-за горизонта показался всадник. Еще издали Рей узнал его: это был один из слуг, оставшихся дома, он принес скверную весть.

Оплакивать отца не осталось времени: Рейнер помчался к своему замку во весь опор, не жалея лошадей и вымотанных воjak, а когда в вечерних сумерках показался Хохмауэр, сердце забилось еще сильнее. Крепость горела.

Рейнер на полном скаку влетел в распахнутые ворота и сразу увидел, что внутри хозяйничают солдаты в обмундировании тех же цветов, что и люди восставшего против короны герцога. Двое из них тыкали клинками одного из стражников, тщетно пытающегося защититься обломанным мечом, где-то в доме непрерывно кричала и просила о пощаде женщина, у самых ворот лежал мальчик с рублеными ранами на груди и лице.

Барон спешил и достал меч. Гнев его вспыхнул адским пламенем, разум затуманился, а руки сами поднимали и опускали оружие, отсекая головы и конечности встречных врагов.

Когда Рей добрался до спальни Эдгара, то сразу заметил, что дверь открыта. Свет факела проскользнул в дверной проем, рассеивая мрак, и осветил изуродованное тело жены в разорванном платье, с неестественно вывернутой рукой. Она лежала ничком, отвернув лицо к стене.

Сына барон нашел позже под окном башни — разбившегося, но с окровавленным мечом в руках. Мальчик боролся до последнего и наверняка забрал кого-то из нападавших с собой. Не отступил, несмотря на то что враг был старше и сильнее его.

С тех пор Рейнер изменился. Он ушел в себя, стал замкнутым, молчаливым и апатичным, но переживать утрату ему пришлось в седле. Новая беда не позволила вдовцу удариться в долгую скорбь: королевство Брейтфельдер прознало о междуусобицах и решило, что внутренние склоки ослабили Фестунг, а значит, самое время напасть. Так последний представитель династии ушел еще дальше от родных земель — на войну с брейтфами. Рейнер сражался отважно и самоотверженно, но теперь не за короля. Просто чтобы выместить злость и попытаться заполнить сосущую пустоту в сердце, а может, и умереть, как подобает. Но из каждой битвы он выходил живым, и каждый раз командиры уводили войска все дальше и дальше. Прошел год, потом второй. Рейнер стал тверже, сдержаннее. Вид крови уже не пугал его, а сердце застыло кристаллом скорби.

Последнее сражение той войны стало самым жарким и самым значимым для Рейнера: так вышло, что его отряд снова был вынужден отделиться от общего войска прямо во время битвы и отправиться на помощь другому командиру, налетевшему на брейтфов. Началась сеча. На Рейнера напали сразу три копейщика. Бросив древковое оружие, он спешился, достал меч и хладнокровно зарубил всех. Оглядевшись, увидел человека, возвышающегося на лошади за пешим вражьем строем. Благоразумие покинуло барона. Он поднял копьё одного из павших противников, прорвался сквозь рассыпавшийся строй врага и с разбега воткнул копьё в шею лошади командира. Животное встало на дыбы и упало. Недолго думая, Рей отрубил голову обездвиженному всаднику. Противник отступил.

И вот, наконец, кровопролитие завершилось. Границы не сдвинулись ни на фут, а армию распустили. Но теперь Рейнеру незачем было возвращаться домой, потому что никто его там не ждал. Он записался в регулярную армию короля Бруно Манаэля и ходил под знаменами в качестве кутилье, став со временем жандармом.

Годы шли, одна сеча сменяла другую, пока все они не слились в одну большую бессмысленную историю, нить повествования которой была утеряна в сумерках ушедших дней.

Со временем душевные раны, оставшиеся после потери родных, стали болеть не так сильно, и барон Северин постепенно

вернулся к жизни: он был добрым и справедливым господином, заботящимся о своих людях, так что вскоре снискал такое же уважение и любовь народа, как когда-то его отец, но тяжелая скорбь лежала на нем невыносимым грузом. Когда король отправил воеводу, прожившего больше четырех десятков лет, в столицу — от бывшего бравого и твердого, как сталь, Северина осталась лишь уставшая от жизни и войны тень.

Рейнер покончил с завтраком. Вытер рот салфеткой. В столовую вошла домоправительница Эльвира с кувшином вина и серебряным бокалом на подносе.

— Что случилось, милорд? — спросила она и обеспокоенно оглядела своего господина. Она-то знала, что случилось. Толстушка Эльвира, одна из немногих во всем проклятом Антаэле, помнила того веселого парня, каким когда-то был Рей. Она служила в Хохмауэре уже много лет и была со своим господином одного возраста. Дети, как известно, не признают чинов и сословий, поэтому так уж получилось, что сначала они просто вместе играли, а потом судьба перестала спускать им нарушение правил этикета. Несмотря на появившиеся ограничения, их дружба никуда не делась. Как только Рейнер вернулся с войны и объявил о кончине отца, их отношения с Эльвирой стали гораздо более доверительными. Только ей он рассказывал о тревогах и только ее он забрал из крепости в резиденцию Кляйн-Хохмауэр, которую получил от своего герцога за военные подвиги. Она одна понимала его боль и разделяла ее всей душой.

Эльвира обняла Рейнера за плечи и протянула ему бокал вина. Тот выпил. Она понимала все.

Сегодня особый день, Рейнер чувствовал это. Принц Фестунга пригласил к себе «невероятно перспективного» барона Северина из Хохмауэра, участника нескольких войн, выделившегося непосредственно на фронте «Стального движения». Что же сулило подобное проявление внимания? Все вот-вот могло разъясниться. В приглашении на аудиенцию было сказано приехать ближе к вечеру, так что весь день барон провел в делах, и только когда солнце уже спускалось к горизонту, а небо начало окрашиваться в сочный оранжевый цвет, Рей собрался.

Резиденция Кляйн-Хохмауэр, как и владения других вельмож, претендующих на роль королевских приближенных, располагалась в центре Кронфеста, недалеко от замка, в районе Знати. Королевская стража не пускала в этот район нищих, попрошаек и даже купцов без печати торговой гильдии.

Готовясь к официальному королевскому приему, барон переоделся в новый наряд. Он надел белую камизу¹ и красное котарди² поверх нее. Льняные штаны и высокие сапоги Рейнер менять не стал. Накинув темно-синий плащ с гербом семьи Северинов, барон вышел во двор и взлетел в седло.

Погода стояла холодная. Солнце не грело уже несколько недель, только-только наступила осень, за которой шла, вероятно, одна из самых суровых зим за последнее время. Большинство вельмож уже запаслись продуктами в преддверии заморозков, но Рея больше интересовала ситуация на фронте: как погодные условия скажутся на сражениях, и состоятся ли они вообще. Пять лет назад поля занесло настолько, что воины были вынуждены больше работать лопатами, чем оружием. Король Сиджи не хотел останавливаться ни перед чем и продолжал наступление, иногда в убыток себе, лишь бы не дать передышки врагу. Нельзя сказать, что подобные решения скверно сказывались на общей ситуации, но множество солдат погибло в ту пору от обморожения. Небоевые потери оказались слишком высоки, чтобы знать посчитала такую победу приемлемой и одобрила ее.

Перед отъездом Рейнер посмотрел на резиденцию Кляйн-Хохмауэр. Будто в последний раз он оглядел щит с изображением рыцарского шлема с треугольными глазами, висящий над входом. Неожиданно из парадной двери выбежала Эльвира, придерживая юбку и размахивая запечатанным свитком пергамента.

— Мой лорд! Мой лорд, вам послание!

— От кого?

— Посыльный сказал только, что от друга, мой лорд!

— Срочное? Нет? Я прочту позже, когда вернусь!

Северин пришпорил коня и поскакал к замку Кронфест в сопровождении четырех мечников в кирасах, шлемах-саладах с забралами и темно-синих сюрко³ с таким же гербом, что и у господина.

Эльвира остановилась, провожая своего господина, и еще раз оглядела свиток с красно-черной лентой и аббревиатурой из

¹ Камиза — нижняя рубаша с длинными рукавами, как правило, белая. — *Здесь и далее примеч. авт.*

² Мужское котарди представляло собой удлиненную куртку (обычно до колена) с застежками по центру переда и низко расположенным поясом.

³ Длинный и просторный плащ-нарамник, похожий по покрою на пончо и часто украшавшийся гербом владельца. Обычно сюрко был длинной чуть ниже колена, имел разрезы в передней и задней части, без рукавов.

четырёх букв на печати. Домоправительница вздохнула и направилась обратно.

Цокот копыт по мошеной дороге разлетался по широким улицам района Знати, ударялся о стены, проникал сквозь окна и взлетал на черепичные крыши, забивался в закоулки и гас в них бесследно. Несмотря на то что приближался вечер и надвигались сумерки, на улице было немногочленно. Обычно многие дворяне выходили на прогулку в такое время, но в тот день на пути редко встречались экипажи, а еще реже — всадники.

Ах, Кронфест! Самый красивый город на острове! Каких только людей не сыщешь в нем, кто только не населяет чудесную столицу: дворяне и худородные горожане, мудрые лорды и отважные рыцари, суровые строители и изнеженные счетоводы — каждый находит себе место по душе. Все дома, как на подбор, стоят ровно и гордо. Мощные балки, красные черепичные крыши, большие витражные окна. Мощенные камнем улицы сияют чистотой, а в вечернее время повсюду загораются огни. Отряды доблестной стражи следят за порядком, стерегут покой гуляющих и домоседов. Да, все это так, по крайней мере, в одной из трех частей, на которые условно разделен Кронфест. Помимо района Вельмож или Знати, на севере, где дома расположены близко к замку, а патрули бродят днем и ночью, есть район Почтенных. В нем живут горожане, имеющие постоянную работу, торговцы, прибывшие на время, прочие гости, расположившиеся в тавернах и трактирах, паломники и наемники. В общем, все, кому есть чем заняться. Улицы здесь не так чисты из-за тысяч пар ног, несущих на себе горы дорожной пыли, но все еще довольно опрятны. Порядок застройки начинает страдать: архитекторы все меньше заботятся об экономии пространства. Основным местом, где люди могут торговать, смотреть выступления и казни, является площадь Святого Мортеллиуса: там кутерьма не стихает сутками.

Но редко житель Кронфеста упомянет в своем восторженном рассказе о третьем районе, а если и решится, то не без стыда. Ту треть города называют прыщом, коростой на теле столицы. Расположившийся у широкой удобной бухты Кронфест имеет порт и солевую шахту, и эти два места привлекают к себе огромные толпы «крыс». Они отвратительны. Многие из них приезжают работать в шахту, добывать белое золото — соль, но гибнут под землей, всеми забытые, буквально растворяясь в минерале, который нужно было поднять на поверхность. Другие же занимаются контрабандой, промышляют воровством и гра-

бежом. Отобрав у Почтенных несколько непримечательных кварталов, они закрепились под самыми окнами замка, расположенного на скале на тысячу футов выше, и назвали себя «районом Черни».

Барон Северин, как можно догадаться, жил в районе Знати. Он думал о своем, прикидывая, что вскоре впереди должен показаться замок Кронфест, но сначала нужно было заехать еще в одно место. Группа всадников съехала с главной дороги и через некоторое время оказалась у городской стены. Северин свернул вправо и поскакал вдоль фортификационного сооружения до следующего подъема: узкая извилистая крытая лестница, выдолбленная в скале, вела к одинокой цилиндрической башне, виднеющейся из-за яблонь. Форма постройки сразу выдавала ее небольшой, по сравнению с другими зданиями Кронфеста, срок службы, но она предназначалась не для обороны.

Прежде чем шагнуть на ступени, Северин велел своим людям ждать его, и только потом скрылся в узком проеме. Через несколько десятков футов камень над головой исчез, и слабый солнечный свет просочился сквозь густые ветки, закрывающие небо. Но вот и они расступились, а лестница вывела Северина на открытую местность. Перед ним показалась та самая круглая, обросшая лозой башня. На остроугольной крыше виднелся металлический круглый символ гансовского ветвизма: дерево, корни которого с нижней части изображения поднимались вверх и обволакивали ствол, и ветки, стремящиеся вниз, закрывающие корни, образующие окружность. Эта башня — храм.

Барон Северин неспешно направился по земляной дороге к зданию. Трава, еще не потерявшая цвет, плавно и умиротворенно шелестела на ветру, опускаясь и поднимаясь волнами, словно водная гладь. Плотная полоса деревьев, отделяющих территорию церкви от оборонительных сооружений, осталась позади. Шелест листьев постепенно стихал, и когда Рейнер добрался до двери, вовсе пропал.

Из дверного проема доносились голоса. Один из них Рейнер узнал: он принадлежал брату Гоцу. Второй был незнаком, но барон решил не мешать и отправился на задний двор, к фамильному кладбищу Манаэлей. Его встретило множество надгробий и мраморных статуй, все с символом ветвизма. По обычаю, тела благочестивых ветвистов сжигали на костре, а прах развеивали по ветру, но поставить памятный знак все равно считалось необходимым, в качестве свидетельства о всеобщем уважении. Одна статуя изображала высокого тощего человека с каменной

табличкой в руках, надпись внизу гласила, что сие сооружение воздвигнуто в честь Эрнеста Манаэля. Соседний памятник принадлежал некой Лилиане Манаэль, женщине с притягательными формами, намеренно преувеличенными скульптором, видимо, по заказу самой госпожи Лилиан. Поодаль располагался гордый воин с мечом наголо, имя ему — Гарвин Манаэль. Все они ушли из жизни: кто-то раньше, кто-то позже, кто-то от меча, кто-то дома в теплой постели, и все они глядели на запад, в сторону моря.

Ветер будто бы усилился. Плащ Рейнера беспокойно затрепыхался, а волны на траве зачастили. Барон увидел фигуру человека, закутанного в простой коричневый плащ без герба или ремесленного символа. Человек стоял спиной к Северину, склонив голову перед большой статуей из белого камня: мраморный плечистый мужчина с горбатым носом сидел на квадратном троне, окидывая взглядом бескрайний простор, раскинувшийся пред ним голубой скатертью. То был нашедший покой Бруно Манаэль, отец Сиджи Манаэля, действующего правителя Фестунга.

Барон сделал несколько шагов вперед, и человек в коричневом плаще, услышав звуки сквозь завывание ветра и шелест травы, оглянулся. Это оказался старик лет семидесяти, на фут уступавший Рейнеру в росте. Голова его была изрядно посыпана пеплом долгих лет, а короткая борода не отличалась опрятностью. Несколько глубоких морщин и мешки под глазами на лице, наполовину закрытом тканью капюшона. Не похоже было, что эта персона принадлежит дворянскому роду.

Увидев Рейнера, человек снова повернулся к склепу, и барон Северин приблизился. Он встал рядом с женщиной в капюшоне.

— Как вы думаете, милорд, куда попал король Бруно после смерти? — спросил неизвестный. — Он стал листом или ушел в корни?

— Правитель должен олицетворять только то хорошее, что осталось после него, а не то, чем он являлся на самом деле, — уклончиво ответил Рейнер. — Какая разница, где он очутился после смерти?

— Дерево пожинаяет всех, милорд. Только вам решать, станете ли вы листом и превратитесь во что-то новое, либо уйдете вглубь и послужите пищей для червя Фердербена. Разве вы не хотите снова жить? Не хотите созерцать историю мира людского?

Барон не ответил.

— Я не вижу цепочки у вас на шее, милорд, — не унимался старик. — Где ваше Древо?

Барон молчал.

— А-а-а... — Протянул человек в плаще. — Вы неверующий? И снова воцарилась тишина.

— И что же тогда, по-вашему, будет после смерти? — задал незнакомец еще один вопрос.

— Надеюсь, пустота. Забытье.

Человек в плаще вздохнул:

— Трудно вам будет, милорд. Помяните мое слово.

— А кому нынче легко?

Старик невесело ухмыльнулся:

— Вот именно, кому сейчас легко, герр Рейнер.

Услышав свое имя, барон посмотрел на собеседника более внимательно.

— Мы знакомы?

— О, да, — ответил старик, отряхивая одежду под плащом. — Хотя правильнее будет сказать, что я вас знаю. Вы сражались при Ореншпиле, несколько раз сходились в битве с врагом под лесом Биркенталь, обороняли окрестности Эгте, отняли Рунбронд...

— В таком случае мне тоже следует знать ваше имя, достопочтенный, — перебил лорд Северин.

На такое предложение старик отреагировал без особой инициативы, молча покачал головой:

— Еще не время, герр. Однако рано или поздно судьба сведет нас снова, это я могу пообещать. Придя сюда, я стремлюсь заранее помочь вам с предстоящим выбором, сделав предложение, которое должно поступить гораздо позже. У меня найдется для вас работа.

Рейнер улыбнулся и безразлично захихикал через нос:

— Звучит не слишком притягательно. По моему опыту, подобные «предложения» не несут ничего хорошего. Во что вы хотите меня втянуть? Шпионаж, убийство? Может, соглядатайство? Простите, герр, но я не склонен к подобного вида работе и только потому, что мы стоим на святой земле, близ церкви, я не отрублю вам голову сейчас же. Вот встречное предложение — уберите с моих глаз. Следующая наша встреча произойдет в не столь приятном месте, и я приму меры. А теперь прощайте.

Старик, услышав ответ, развернулся и пошел прочь, сказав напоследок:

— Трудно вам жить, милорд.

Рейнер еще какое-то время стоял возле статуи короля, зацепившись взглядом за какой-то камушек и глубоко задумавшись, но вскоре вернулся к церковной башне и приблизился к входу.

— Тогда подотришь ими, долбаный осел!

Дверь распахнулась, и из-за нее навстречу барону, едва не повалив дворянина с ног, вылетела еще одна незнакомая фигура в плаще, но уже в сером и поношенном. Этот человек, по всей видимости, находился в храме еще до прихода Северина. Неприятный тип быстрым шагом удалился в сторону лестницы.

Рейнер что-то прорычал вслед грубияну, а потом сквозь дверной проем увидел священника средних лет, брата Гоца, не менее оскорбленного, чем сам барон.

— Фердербен его пожри, это что такое было?! — Северин нахмурился и в негодовании развел руками.

— Да червь его знает. Видимо, иногда, чтобы быть хорошим человеком, веры недостаточно, — спокойно ответил брат Гоц. — Да ты заходи, старый друг. Я давно тебя жду!

Рейнер вошел в обитель. Тут было светло и уютно. Дневной свет просачивался сквозь восточное окно и мягко растекался по помещению. На дубовом столе в блюде курились благовония. Шкаф, стоящий тут же, под винтовой лестницей, что по часовой стрелке уползала вверх по стене на второй этаж, был заставлен книгами об истории Фестунга и ветвизма. Напротив шкафа располагалась исповедальня, чтобы монах, берущий книги из шкафа и переписывающий их за дубовым столом, мог принять и выслушать любую заблудшую душу, а после как можно скорее вернуться к работе и не тратить время до заката на мирские мысли.

Рейнеру нравилось в уединенной обители брата Гоца. Теплое чувство спокойствия и доверия к этому месту не сравнимо ни с чем.

— Сегодня идешь к его высочеству, а? — спросил священник.

— Иду. Принц пригласил меня накануне вечером, хотя, мне кажется, правильной использовать слово «вызвал».

— Тебя просто очень давно не «вызывали», Рейнер. Если меня, Дерево сохрани, вызовет его святейшество, я побегу к нему со всех ног, а ты жалуешься, что тебе дали целый вечер, ночь и утро, чтобы подготовиться и обдумать свои слова и действия!

— Да уж, червь, а ты прав...

— Не ругайся в храме.

— ... Чем выше чин, тем тверже ложе.

— Поэтому мое ложе самое мягкое в этом дворце, друг мой. А ведь я сплю на досках. — Брат Гоц посмеялся с закрытым ртом.

Барон Северин заметил стул и устало опустился на сиденье:

— Гоц, я знаю, что ты меня пригласил не без причины, но... я тут отдохну? Недолго. А потом мы поговорим.

— Конечно, Рей. Я сейчас вернусь, сиди.

Луч желтого солнечного света прыгнул Северину на колени. Церковные благовония наполняли воздух тягучим сладким ароматом ранних яблок, и Рейнер блаженно прикрыл веки. Ему показалось, что он слышит женский голос, тихо вторящий мелодии, тоже взявшейся неведомо откуда. До ушей барона доносились и нежные звуки заморской арфы, и тягучая спокойная скрипка, и пастушья дудочка. Мелодия лилась к нему со всех краев необъятной страны, и даже из соседних стран, и из-за моря, а может, с облаков или из бутонов роз, умирающих в королевском саду.

Веки барона дрогнули, и он опустил руку в карман. В пальцах Северина что-то блеснуло на свету. Это был серебряный медальон овальной формы. Рей большим пальцем медленно открыл его и взглянул на изображение внутри. На него со старой миниатюры размером не более дюйма большими голубыми глазами смотрела белокожая светловолосая девушка. Она слегка улыбалась Рейнеру. И он тоже ей улыбнулся. Своей Берте.

Барон захлопнул крышку медальона.

Брат Гоц спустился по лестнице и встал перед Рейнером. Тот, в свою очередь, поднялся со стула. Священник протянул ему маленькую вещицу, которую принес с верхнего этажа.

— Я знаю, что ты не очень-то суеверен, Рей, но, прошу, возьми это.

Барон Северин протянул руку и взял с ладони Гоца металлический браслет для плеча, на котором выделялась металлическая деталь в виде щита.

— Да ну, Гоц. Это... Это то, что я думаю, это...

— Диковина? — закончил священник. — Нет, это просто древнее украшение. Я знаю, что на войне ты повидал немало диковин и знаю, что ты их терпеть не можешь, поэтому это просто вещь, на удачу, так сказать.

— Я не хочу сюрпризов, Гоц. Магические вещи запрещены. — Барон осекся и заговорил громким шепотом: — Если нас

поймают с диковиной в руках, да еще и с собственностью церкви... Где ты ее взял? Неужели из Хранилища?

— Я не вру, старый друг. — Голос брата Гоца не изменился. Он был все так же спокоен. — Послушай, возможно, скоро я отправлюсь в паломничество, освещать завоеванные нашим королем земли, так что долгое время мы с братьями будем находиться в непосредственной близости к фронту. Это действительно опасно, так что считай, что браслет — мой прощальный подарок.

Барон молчал, и его взгляд беспокойно прыгал с вещицы на священника и обратно. Северин колебался.

— Хорошо. Надеюсь, ты не врешь, — наконец согласился Рейнер. — Тем более что, если ты запустил руку в один из сундуков епископа, тебе это обязательно аукнется. Уверен, у тебя хватит мозгов этого не делать.

— Церковь изымает диковины, найденные на всем острове Гроссгриндия на протяжении веков. Поверь, если бы ты увидел хранилище диковин, ты бы разочаровался. Что, думаешь, там все как у алхимиков разложено — по порядку, по алфавиту и по запаху? Нет. Хранилище — это просто груда сундуков и шкатулок, наполненных волшебными предметами, которые пылятся там годами, а то и веками.

— Говоришь так, будто заранее оправдываешься.

— Нет. Этот браслет я купил у торговца на базаре. Недорого. Была бы это диковина, пепель не распрощался бы с ней так легко. Магические штучки — дело хорошее.

— Но ты же сам священник, Гоц, — непонимающе ответил Рейнер. — Разве диковины это не «коварные дары червя Фердербена, который силой предметов сих род людской ко злу ведет, а после смерти их во корнях пожирает»?

Брат Гоц вздохнул:

— Не все, что говорит церковь — правильно. Диковины — это просто некая аномалия, которая, на мой взгляд, не столько опасна для людей, сколько для влияния его святейшества. И никакой червь тебя за это под землю не утащит. Как я сказал только что? «Иногда, чтобы быть хорошим человеком, веры недостаточно». Но я не договорил. Вторая половина этой фразы: «...А кому-то она не нужна вовсе». Я хочу сказать, что ты хороший человек, Рей.

— Ты не все обо мне знаешь, — ответил барон. — Я убивал. Много крови пролил, топором и мечом рубил, руками рвал. Сотню душ извел, не меньше. Я точно не «хороший человек».

— Не знаю, с каких пор защита своих земель и подчинение господину являются грехом, — ответил священник. — Но одно я знаю точно — далеко не каждый вельможа может остановиться в дождь в районе Черни и обратить свой взор на маленького худого мальчишку в тряпье. Далеко не каждый укроет его плащом и накормит в своем доме. Далеко не каждый сможет использовать свое положение, чтобы дать мальчишке постоянный кров, образование и просветление.

Глаза Гоца заблестели.

Барон был сдержан, но священник сделал шаг вперед и обнял того, кто однажды вытащил его из трущоб. Рейнер заколебался, но тоже обнял Гоца. Они простояли так еще несколько мгновений, а потом отпустили друг друга с характерным для фестунгов смущением.

Рейнер сжал губы, посмотрел в глаза брату Гоцу и кивнул.

— Взгляни, что написано на внутренней стороне браслета.

— «Смерть утратит силу, буде у тебя ценнее монета».

— Вот именно! Я думаю, это защитный амулет.

— И от чего он защищает?

— От... смерти? Там написано «смерть утратит силу», но, как мне известно, такие высказывания всегда образны, метафоричны. Я не знаю ни одной диковины, дающей бессмертие, так что, повторюсь, это не она.

— Однако есть защищающие. Например, в древней легенде нормийского философа Влассиса обычный скотовод победил опытного солдата кочергой, потому что нашел диковину, отталкивающую оружие противника. Ты уверен, что у этого подарка нет похожих свойств?

— Надень мне на голову бадью и назови слепым, если я не прав. И, кстати, ты за многие годы никогда не рассказывал, почему так сильно опасаясь. Я знал, что ты против магии, но не настолько же, чтобы видеть опасность в любой безделушке?

— Особая история. Расскажу, когда вернешься из паломничества.

Рейнер засучил рукав, чтобы надеть браслет на правую руку. Он просунул кисть в овал украшения, поднял его до локтя, и вдруг металл, будто змея, сжался на конечности Северина. Тот вздрогнул и принялся стягивать браслет вниз по предплечью, но тщетно. Гоц понял, что что-то не так, помог Северину закатать рукав, чтобы не мешал, а другой рукой принялся тянуть браслет, но тут же отдернул пальцы, и Рейнер понял, почему. Браслет нагрелся и начал жечь. Он становился все горячее и горячее,

пока барону, закаленному в боях и не привыкшему показывать свою боль, не стало сложно сдерживать крик.

— Оно жжет, жжет, тащи щипцы! — закричал Рейнер, и священник стрелой вылетел из башни.

Запахло паленым мясом. Браслет все раскалялся и продолжал сжиматься, погружаясь под кожу. Барон стиснул зубы, зажмурился и стал рычать, плевать, выть, пока его сознание не поплыло, и он не рухнул на пол.

Когда Гоц вернулся с кузнечными щипцами, Рейнер был без сознания. Первым делом священник взглянул на рану товарища, чтобы оценить, какой ущерб причинил подарок. К его удивлению, рука была относительно цела. На том месте, где недавно украшение прожигало кожу и плавило мышцы, теперь виднелся шрам крайне необычной формы: он выглядел в точности как браслет, детально нарисованный белыми рубцами. Сам же подарок, похоже, ушел внутрь.

Гоц побрызгал лицо Северина холодной водой, барон пришел в себя.

— Что ты мне подсунул? — прорычал он. — Ты божился, что это просто безделушка! Ты солгал мне, солгал!

— Я не знал, Рей! Сказал же, что купил ее у странствующего торговца. Я не думал, что это магическая червячина, да еще и такая болезненная! Но теперь понятно, почему ее никто не использовал до тебя! Она одноразовая!

Гоц дал Рейнеру немного вина и сунул под нос цонитовый корень, чтобы привести барона в чувство. Боль окончательно отступила, но Северина все равно не устраивало, что у него на плече клещом засела диковина, да еще и оставившая подозрительный шрам. Впрочем, Гоц убедил друга, что всегда можно придумать яркую историю о том, как барон попал в плен, был заклеямен врагом, а потом чудом бежал.

Рейнер был зол на священника. Зол невероятно, но, когда силы вернулись, он поднялся, вдохнул-выдохнул и успокоился. Пора было сделать то, ради чего барон Северин пришел. Святой брат подал другу две свечи из пчелиного воска и подвел к алтарю. Небольшой канунник — панихидный столик медного цвета с высоким окованным трюмо, чтобы человек мог посмотреть на себя, заглянуть в собственные очи и поразмыслить. Прямо перед зеркалом располагались чашечки-подсвечники с мизинец в диаметре. В некоторых торчали зажженные свечи — одни новые, другие совсем состарившиеся. Рей поднес фитили своих свечей к пламени других, оставленных прихожанами, принад-

лежавшими к королевскому кругу, и воткнул «восковых солдатиков» в подсвечники. Гоц сложил руки в молитве, и Рейнер, хоть и не носил амулет Матерь-Древа, сделал то же самое.

— Mater! Dimitte iram et dolorem. Custodi calor et amor in mundo. Amen¹.

— С днем рождения, любовь моя, — прошептал Рейнер.

Скоро барон вернулся к своим телохранителям. Они вновь сели на лошадей и выехали на главную дорогу. Впереди выселись угловатые стены Кронфеста: у парадного входа в крепость стояли две башни, выложенные елочкой, выступающие за контур стены, а между ними располагались ворота. На башнях развевались красно-белые ромбы с черными силуэтами коронованного волка.

Если бы барон имел крылья и взлетел бы ввысь, его взгляду явилось бы чудо архитектуры, прекрасное, как ни посмотри. Кроме двух этих башен Кронфест обладал еще тремя, расположенными справа, у северной стены, и именуемыми «братьями»: младшим, средним и старшим. Эти башни носили такое название потому, что стояли вплотную друг к другу, будто на портрете, хоть и выглядели совершенно по-разному. «Младший брат» был ниже остальных, хоть и возвышался над крышей основного корпуса замка и имел наибольший размер в диаметре. «Старший», напротив, был тонким и глядел на весь город, а «средний» представлял собой золотую середину.

По южную же сторону от Кронфеста располагался зал для балов: прямоугольный корпус с высокими потолками-сводами, изукрашенными мозаиками и великолепными картинами. Снаружи здание также не осталось без украшений: лестницы, берущие начало у фронтовой и тыловой стен, поднимались ввысь и приводили созерцателя на широкую плоскую площадку, идущую вдоль всего периметра крыши. По левую и правую стороны площадки крепилась черепица, так что, соскользнув, созерцатель сначала покатылся бы по ней, как малыш с горки, а уж потом отправился бы в свободное падение с высоты более ста футов. По узким сторонам площадки возвышались каменные арки с орлами, указывающими на лестницу, чтобы гость, вдоволь насладившись видом с высоты птичьего полета, с легкостью нашел выход и поскорее покинул смотровую площадку, пока у него не закружилась голова.

¹ Мать! Отпусти гнев и боль. Сохраняйте тепло и любовь в этом мире. Аминь (*лат.*).

Сам замок был окружен рвом и располагался на холме, поэтому лошадь Северина начала пыхтеть. Деревянный подъемный мост встретил барона еле заметным подрагиванием, а четыре стражника-щитоносца в воротах расступились. Рейнер въехал во внутренний двор.

Здесь можно было увидеть конюшню, казармы, склад с боеприпасами и широкую лестницу, ведущую к главной башне.

Барон спешил, и слуга отвел лошадей в стойла.

Пока Северин поднимался по лестнице, он задрал голову, чтобы разглядеть барбакан¹, который назывался Ежом. На этих башнях величественно и непоколебимо покоились шесть металлических шипованных шаров по девять футов в диаметре. Предполагалось, что при наступлении противника и захвате им лестницы шары будут сбрасываться вниз по наклонной, давя неприятеля, падая до самого внутреннего двора, но Северин видел в них, скорее, декорацию. Он считал иначе: если уж кто-то и сможет прорваться сквозь многочисленные стены и рвы Кронфеста, то никакие «ежи» его не остановят. Это лишь демонстрация. Причем не силы, как он думал, а страха. Чем толще броня, тем сильнее страх.

Рейнер со своими людьми прошел под «ежами» и обратился к одному из стражников, патрулировавших у входа. Он велел солдату доложить, что прибыл барон Рейнер Северин из Хомауэра, на что служивый кивнул и удалился. Вскоре дверь открылась, и во двор вышел слуга-мажордом, облаченный в коричневую котту². Барон и его люди прошли в замок.

К удивлению Северина, его не заставили долго ждать, а сразу пригласили в королевскую приемную. Чтобы попасть в нее, необходимо было пересечь тронный зал, и барон не отказал себе в удовольствии осмотреться.

Архитектор, который строил и украшал замок, был профессионалом. В первую очередь в глаза бросался трон, украшенный золотом и драгоценными камнями, стоящий под аркой, собранной из металлических ветвей, изображающих Мать-Древо. Такая конструкция должна была уверить зрителей, что святая Мидра, она же Мать, одобряет власть короля и способствует ему во всех делах. Далее, прямо перед троном, располагались си-

¹ Внешнее сооружение замка или городских укреплений, обычно круглое в плане, служит для отражения атак на подступах к крепости. Напоминает арку внутри крепостной стены с двумя башнями по бокам.

² Котта — европейская средневековая туникообразная верхняя одежда с узкими рукавами.

дня для посетителей церемоний или масштабных королевских приемов. Скамьи можно было убрать, так что при необходимости зал становился просторной площадкой для танцев и иных мероприятий. Мраморные полы, колонны, поддерживающие балконы второго этажа, позолоченные карнизы и портреты — все говорило о безмерном богатстве и вопиющем расточительстве семьи Манаэлей из Кронфеста.

Следуя за слугой, миновав несколько лестниц и коридоров, Рейнер оказался в высокой полукруглой комнате, видимо, находящейся в одной из угловых башен с тыльной стороны замка. Его встретили огромные, поднимающиеся до потолка, прозрачные витражи. В центре комнаты стоял стол на семь-восемь человек, во главе которого находился деревянный резной трон с подушкой. Вдоль стола располагались стулья, чуть обращенные в сторону трона. Никаких шкафов, картин или иных предметов мебели, которые могли служить маскировкой для подслушивающих щелей в стенах.

Мажордом вышел, велел людям барона подождать в коридоре, попросил барона отдать свой меч на время аудиенции — ради безопасности принца, конечно. Тяжелая дверь закрылась, и Северин остался в полной тишине. Он заложил руки за спину, вздохнул и прошелся вдоль стола. Огляделся вокруг. Аккуратно постучал по стене, сделал еще два шага вдоль нее. Еще раз постучал. И еще. Камень отвечал глухим звуком. Ни малейшего намека на запасной выход. Тогда барон предпринял еще одну попытку: он подошел к трону и легонько толкнул его ногой. Трон оказался довольно тяжелым, так что Рейнер еще раз обернулся на дверь, а затем, навалившись всем весом, сдвинул большое кресло на пару футов. Того, что он увидел, было достаточно. Под тронем виднелся угол люка. Неизвестно, куда вел этот лаз, но барон был готов поставить сто к одному, что он открывается легко и способствует быстрому исчезновению из переговорной.

Старый вояка невольно усмехнулся. Ничего удивительного, что даже в такой, казалось бы, изолированной комнате есть выход. В детстве отец рассказывал, что Манаэли так же изворотливы, как и сильны. У них всегда имеется путь к отступлению. «Лучше потерять руку, чем голову», — так, кажется, говорил Адлер Северин.

Только барон вернул трон на место, как дверь открылась, и в переговорную вошел принц Тэдэрик Манаэль, сын короля Фестунга Сиджи Манаэля из Кронфеста.

Принцу на вид было лет семнадцать. Он оказался высоким и стройным кудрявым парнем. Зеленые глаза, в которых читались заносчивость и вероломство, острый, прямо как у отца, подбородок, узкие строгие губы, окруженные едва растущей бородкой-эспаньолкой. Одет он был в белую камизу и длинную, до самого пола, тунику без рукавов, с расшитой каймой, красную, словно флаг Манаэлей. В руках Тэдэрик держал небольшой свиток пергамента.

Барон Северин сделал почтительный поклон, отведя левую ногу назад, а правую руку в сторону. Его движения были элегантными и натренированными.

Принц, как и положено по этикету, заговорил с бароном первым:

— Милорд Северин, как приятно видеть вас в моем доме. Прошу, садитесь.

Это был первый случай, когда Рейнеру приходилось разговаривать с принцем Тэдэреком с глазу на глаз, без посторонних лиц. Он не знал, как будущий правитель ведет беседу, выдают ли его эмоции и можно ли понять его умыслы, если будет необходимо. Барон не знал о собеседнике ничего, в том числе не знал и причины их встречи. Зачем Северина пригласили в замок? Почему разговор столь конфиденциален?

Барон сел. Тэдэрик опустил на трон со всей присущей ему королевской неторопливостью и вальяжностью. Он положил свиток на стол перед собой, потер ладонями края подлокотников и посмотрел в окно, по которому, от стеклышка к стеклышку, из ячейки в ячейку, бегали солнечные зайчики. За металлическим каркасом виднелось море, уходящее за далекий горизонт, размытый и сливающийся с таким же голубым небом. Внизу ходили торговые суда, покинувшие порт Кронфеста или, наоборот, идущие к нему. Над судами развевались красные фестунгские знамена и флаги, указывающие на принадлежность к торговой гильдии.

— Красиво, правда, милорд? — спросил Тэдэрик. — Отсюда корабли выглядят игрушками, а люди — муравьями. Я смотрю на них и вижу, как они неорганизованы, суетливы и, по сути своей, примитивны. Они делают то, что им выпало с рождения, и не умеют больше ничего. Если не распределять работу, если каждому из них не дать в руки инструмент и не обучить ремеслу, они не выживут. Не выживут, если не будет лидера.

Барон молчал. Жизнь научила его, что с монархами лучше не спорить, особенно, если их бросает в бессмысленные философские монологи.

Принц Тэдэрик отвернулся от окна и посмотрел в глаза барону.

— Милорд, сколько вы служите моему отцу?

— Всю его жизнь, ваша светлость. Я получил титул барона в двадцать шесть лет, после смерти моего отца в двести тридцать девятом году, еще при его светлости короле Бруно Манаэле.

— О, так вам, милорд, выходит, сорок два года от роду? Вы годитесь мне в отцы!

Принц чему-то посмеялся, задумчиво постукал пальцами по подлокотнику трона и продолжил:

— Я наслышан о ваших подвигах во имя Фестунга и его народа, но, если честно, не слишком углублялся в хронологию событий... Признаться, я думал, что ваш знаменитый «таран», когда вы с боем пробились к полководцу армии брейтфов и закололи его, был немного... ближе к нынешним временам... Это ведь произошло не во время «Стального движения»?

— Нет, ваша светлость. Тот случай произошел как раз в год смерти моего отца. Это был спор за южное побережье.

— Но-о! — Принц попытался изобразить похвалу, явно подражая мимике придворных учителей. — У подвигов нет срока годности! Да и в «Стальном движении» вы не остались незамеченным! Ах, мне следует звать вас «ваше багородие»! Или «ваше мужество»!

— Вы мне льстите, государь. — Барон держал дистанцию и не показывал эмоций.

— И все же! Отец отправил вас в тыл. Он приказал вам сидеть в Кронфесте и ждать указаний! Вам, мастеру фехтовального ремесла, великолепному стратегу, человеку, умудренному опытом и наделенному скромностью, какой не сыскать! Поверьте, я далеко не о каждом своем подданном отзываюсь подобным образом, а вы, тем не менее, даже не граф и не виконт! Вы лишь барон!

— И я благодарен вам за похвалу, ваша светлость. — Рейнер просто принимал к сведению слова принца.

«Меня жутко раздражает напыщенный соплик в дорогих одеждах, восседающий передо мной, — подумал он. — Этот молокосос слаб в истории, наверняка не умеет писать и, скорее всего, с трудом читает. И меч он, уверен, держит так, будто мочится, будучи пьяным в стельку. Хотя нет, пьяным в стельку он мочится в постель».

— Как обидно, правда, милорд? Многие трусы и подхалимы сидят в графах целыми поколениями, пока честная и храбрая фамилия Северинов зиждется в баронах.

«Червь, он, что, не знает значения слова «зиждется»? — подумал Рейнер. — И этому идиоту уготовано править моей Родиной?»

— Но... — Принц не унимался. — Так уж вышло, что мне выпала возможность восстановить справедливость. Уж поверьте, милорд, Фестунгу повезло находиться в руках такого короля, как я.

«Ты еще не король», — отметил Северин.

Принц встал из-за стола и подошел к окну, чтобы снова посмотреть на жалких простолюдинов внизу:

— «Стальной поход» идет хорошо, бодро, я бы сказал. Наша непобедимая армия завоевывает баронство за баронством, графство за графством, а скоро территории можно будет считать и в порабощенных королевствах.

«Удивительно. Твой дед и отец хотя бы прикрывались убеждениями и благими намерениями спасти человечество, а ты не утруждаешь себя даже этим! — Принц раздражал Северина все больше. — Что ж, по крайней мере, ты честен с собой».

Тэдэрик вздохнул и оглянулся на Рейнера.

— Границы расширяются, милорд. В моем распоряжении будет много новых городов и долин, и им нужны правители. Новые, верные правители. Такие, как вы, милорд. — Принц подошел к барону, и тот, опершись на стол, поднялся на ноги. — Барон Северин! Я хочу предложить вам титул графа Гольдли!

Барон этого не ожидал. Получить новый титул неплохо, но, во-первых, ему придется действовать на завоеванной территории, а значит, грянут бунты на фоне конфликтов разных вероисповеданий, патриотических порывов местных вельмож, что повлечет за собой проблемы с продовольствием, огромные затраты на подавление восстаний, дизентерию, возможно, другие болезни и прочие неприятные последствия войны. И кого сделают крайним? Его, Северина. А во-вторых, скорее всего, это означает, что отныне Рейнер останется в долгу у сопляка Тэдэрика и будет вынужден оказывать поддержку принцу, а не королю Сиджи, независимо от того, что у первого в планах. В общем, Северину предлагалось выбрать наименьшее из двух зол: либо стать козлом отпущения на завоеванных землях, либо поддерживать молодого правителя, который наломает дров и уто-

пит Фестунг в крови и смуте. Но тут в голове Рейнера затрепетал огонек авантюризма и оптимизма:

«Могут ли в скором времени свергнуть короля Сиджи?» — подумал он.

Принц продолжил говорить:

— Изволю заметить, что не я первым выдвинул вашу кандидатуру на столь ответственную должность. Это была идея моего отца. Именно за этим он вернул вас в столицу. Скриптор! Эй, там, в коридоре! Скриптора сюда!

Вошел скриптор, мужчина в монашеской рясе с чубом на выбритой голове и с пергаментом в руках. Барон сразу заметил на пергаменте королевскую печать.

— Прочти нам тот отрывок... Э-э... касающийся милорда Северина.

— Повинуюсь, ваша светлость!

«...Вследствие этого первым кандидатом на должность графа Гольдли приказываю назначить барона Рейнера Северина из Хохмауэра. Рода с более хладным рассудком и незыблемой преданностью короне не сыскать».

— Так это приказ, а не предложение, ваше высочество, — довольно резко сказал Рейнер, что было с его стороны крайне неосторожным шагом, ибо принц имел терпение столь же скудное, сколь и ум.

Это письмо меняло ситуацию. Рейнер не мог отказаться от титула: воля короля. Тэдэрик лишь пытался расположить его к себе и сделать вид, что это великодушный подарок Северину, но теперь игра потеряла всякий смысл. А еще барон понимал, что ему все же придется выбрать какую-то сторону. Либо Сиджи, либо Тэдэрик.

Гольдли было крайне важным графством, добывающим железную руду, камень, медь, связывающим множество торговых путей, а потому играющим колоссальную роль в любой войне. Одноименный город-крепость выступал в качестве непреодолимой линии обороны благодаря мощной защите, а еще являлся масштабным поставщиком оружия и доспехов благодаря развитому кузнечному делу и добыче руды. С уверенностью можно было утверждать, что тот, кто владеет Гольдли, имеет больше шансов перерезать глотку противнику.

Скриптор удалился.

— Это, несомненно, приказ моего отца, — согласился принц Тэдэрик. — Но прошу принять во внимание, что он просто вещает на вас невероятный груз управления столь нестабильным

регионом! Вы понимаете? — Тут раздетый мальчишка перешел на громкий шепот, а в глазах его появился нездоровый огонек, какой встречается у сумасшедших или у солдат в самом пекле битвы. — Я же обещаю, что не оставлю своего преданного подданного в трудной ситуации и уж точно предоставлю ему свободу действий. Никакого давления, никаких наказаний. Вы можете ввести налоги выше гор, вернуть право первой ночи или даже второй и третьей, если вам будет угодно, развить работорговлю, построить больше тюрем, если потребуется, а давить бунты позволяется любыми способами и не без помощи королевской армии! Только подумайте, только вообразите!

Северину было стыдно признаться в этом самому себе, но сердце его на мгновение ушло в пятки, а по спине пробежал холодок. Его бросило в пот при мысли, что судьба тирана — его неизбежное будущее. Работорговля? Подавление бунтов? Тюрьмы? Разве этому учил его Северин-старший, разве такого он хотел бы для своего народа? Нет! В Кляйн-Хохмауэре люди жили спокойно. Они любили, а не боялись своего господина. Уважали, а не ужасались! Так же, как любили и уважали Адлера Северина! Нет, на подобное Рейнер пойти не мог, будь он хоть трижды графом. Но и говорить о своих замыслах принцу было нельзя.

— Я крайне заинтересован сим предложением, ваше высочество. — Барон поклонился. — И я уверен, что правильно понял его, лорд. То есть король.

— Но я же еще не король, — усмехнулся Тэдэрик.

— Короля Сиджи здесь нет, государь, — ответил Рейнер и заговорщицки улыбнулся.

— Детали обсудим позже, милорд. Можете идти, — когда принц говорил это, улыбка сползла с его лица.

Барон, вернее, уже граф Северин направился было к двери, как вдруг голос принца заставил его замереть:

— Еще кое-что, милорд, — за спиной Рейнера зашелестел пергамент, и когда Северин обернулся, увидел, как Тэдэрик читает то, что написано в свитке, который он принес с собой в начале встречи. Свиток мерцал изумрудным светом.

— Милорд Северин. Вы правда думаете, что я не умею читать и мочусь в постель?

Сердце начало биться чаще и уже через мгновение его удары эхом отзывались в ушах. Этот свиток — диковина. Рейнеру хватило остроты глаз, чтобы увидеть то, что там написано:

«...напыщенный сопляк в дорогих одеждах...»

ГЛОССАРИЙ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Страны и остров, на котором происходят события

Брейтфельдер (*нем.* Breitfelder — производное от «широкое поле», обозначает поселенца, обитающего на равнинах) — одно из восточных королевств

Гроссгриндия (*нем.-англ.* Großgreendia — большая зелень) — остров, на котором происходят события

Кронфест (*нем.* Kronefest — торжество короны) — столица Фестунга

Соколь, Нахборн, Зитор — юго-восточные мелкие страны, которые не участвуют в повествовании. Они просто есть

Фестунг (*нем.* Festung — крепость) — западное королевство острова

Северные города Фестунга

Бреннхольц (*нем.* Brennholz — дрова) — деревня лесорубов под Гольдли

Вэстзайн (*нем.* Westsein — быть на западе, западный) — город на краю острова. В повествовании не участвует

Гольдли (*англ.* Goldly — золотой) — город-крепость в северных горах, богатых золотом и горящим камнем

Центральные города Фестунга

Вайссерштайн (*нем.* Weisserstein — Белый Камень, или Белокаменка) — огромное озеро

Ореншпиль (*нем.* Ohrenspiele — игольное ушко) — верхний портовый город

Фаден (*нем.* Faden — нить) — река, пересекающая Гроссгриндию с севера на юг

Фирстенцвайг (*нем.* Firstenzweig — первая ветвь) — дремучий лес в центральной части Фестунга. Многие обходят его стороной, с юга

Эгте (*афр.* Egte — настоящий) — этот город уже стоял тут, когда первые поселенцы добрались до Гроссгриндии. Он был пуст

Южные города Фестунга

Биркенталь (*нем.* Birkental — березовая долина) — город в березовом лесу. Местные любят березовый сок

Мэри-Ферэ (*нем.* Mary-Föhre) — назван в честь садовницы, которая вырастила яблочный сад. Теперь тут производят Мэри-Ферийское вино, лучшее на острове. Обязательно попробуйте!

Рунбронд (*нем.* Runebronde — руническая бронда) — на воротах этого города высечены руны. Брондирование — это способ окрашивания, при котором достигается плавный переход от более темного оттенка к светлому

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Антаэль (*нем.* Anteil — доля, удел) — мир живых

Тодрейх (*нем.* Todreich — царство мертвых) — место, куда попадают грешники после смерти

Траум (*нем.* Traum — сон) — чистилище

СОДЕРЖАНИЕ

БАРОН ПО ПРИЗВАНИЮ. ПУТЬ ДВОРЯНИНА. <i>Фантастический роман</i>	5
<i>Глоссарий</i>	280